

Оглавление

Пролог	7
Глава первая. Харви	24
Глава вторая. Гарриет	42
Глава третья. Айрис	52
Глава четвертая	65
Глава пятая. Ребекка	73
Глава шестая. Харви	84
Глава седьмая. Гарриет	97
Глава восьмая. Айрис	104
Глава девятая	116
Глава десятая. Ребекка	127
Глава одиннадцатая. Харви	139
Глава двенадцатая. Гарриет	150
Глава тринадцатая. Айрис	163
Глава четырнадцатая	173
Глава пятнадцатая. Ребекка	179
Глава шестнадцатая. Айрис	187
Глава семнадцатая. Харви	196
Глава восемнадцатая. Гарриет	205
Глава девятнадцатая. Ребекка	226
Глава двадцатая. Айрис	236
Глава двадцать первая. Харви	249
Глава двадцать вторая. Гарриет	259

Глава двадцать третья	270
Глава двадцать четвертая. Ребекка	277
Глава двадцать пятая. Айрис	284
Глава двадцать шестая. Харви	287
Глава двадцать седьмая. Гарриет	294
Глава двадцать восьмая. Харви	307
Глава двадцать девятая. Гарриет	313
Глава тридцатая. Айрис	327
Глава тридцать первая	337
Глава тридцать вторая. Харви	341
Глава тридцать третья. Гарриет	353
Глава тридцать четвертая. Ребекка	364
Глава тридцать пятая. Харви	369
Глава тридцать шестая. Гарриет	378
Глава тридцать седьмая. Айрис	393
Глава тридцать восьмая. Ребекка	398
Эпилог	404

*Моему мужу Стивену —
моей любви, моей жизни, моему учителю.*

*Я не знала, что потерялась,
пока не нашла тебя.*

*Любовь не ведает своей глубины до тех пор,
пока не наступит час разлуки.*

Халиль Джебран

Пролог

Суббота, 19 ноября 1960 года

— Пожалуйста, отпустите меня, сэр. Мне нехорошо.

Ребекка взглянула на сидящего напротив полицейского в очках с тонкой оправой, который уже два часа держал ее в комнате для допросов.

Детектив-инспектор Гиббс глубоко затянулся сигаретой с дешевым крепким табаком и выпустил густое серое облако дыма в и без того спертый воздух комнаты.

Ребекка посмотрела на свои руки. На тыльной стороне правого запястья она заметила крошечные брызги крови, принадлежавшей ее матери, и начала соскребать их ногтями. На ней по-прежнему была белая ночная рубашка, в которой она спала в ту ночь. Весь подол был покрыт кровавыми пятнами. Ей захотелось сорвать с себя одежду, нырнуть в ванну с головой и больше никогда не всплывать на поверхность.

— Мы почти закончили. Мне просто нужно прояснить еще пару деталей, прежде чем мы напечатаем ваше заявление.

Детектив-инспектор наклонился вперед, не сводя с нее своих черных глаз, и, потушив окурок в пепельнице, раздавил его пожелтевшим от никотина указательным пальцем.

— Пойду принесу вам воды.

Он встал из-за стола, и ножки его стула пронзительно заскрежетали по плитке пола, заставив Ребекку вздрогнуть. Она поспешила лучше укутаться в колючее шерстяное одеяло. Ее трясло, ей было холодно. Очень холодно.

Дверь за детективом-инспектором захлопнулась. В глазах Ребекки защипало, и она взглянула на часы: было уже четыре утра. Она впервые не спала в такой поздний час. Конечно, иногда они вместе с Харви прятались ночью в бомбоубежище, боясь попасться на глаза ее разгневанному отцу, но обычно к полуночи его желание забыться с бутылкой виски уже брало верх над гневом.

Когда в их доме поднимался крик, Ребекка давала Харви сигнал, светя из окна спальни фонариком, и он бежал через кукурузное поле, а затем открывал крышку люка в бомбоубежище под их домом. К тому моменту она уже ждала его внизу. В эту маленькую подземную пещеру вел тайный ход, спрятанный в глубине шкафа под лестницей. Это убежище, созданное на случай, если немецкие солдаты вернуться, чтобы вырезать его семью, обустроил ее отец — а затем

и наполнил запасами консервов, книг
8 и свечей. Бесконечная паранойя, кото-

рая превратила жизнь Ребекки и жизнь ее матери в ад, совершенно случайно предоставила ей путь к спасению.

Ребекка сидела и наблюдала, как, тикая, двигалась секундная стрелка, и ход времени все дальше и дальше уносил то мгновение, когда она в прошлый раз видела мать. Нет, в *последний* раз. Она ясно помнила ту картину: мать, жадно ловящую ртом воздух; ее красивые губы, которые так часто целовали Ребекку; бледнеющую на глазах кожу, последний вздох ее матери — и ускользающую жизнь.

Тишина комнаты, наполненной табачным дымом, гулом отдавалась в ушах. Тело Ребекки было сковано усталостью, и все же мозг раз за разом проигрывал в воображении ту сцену, которая предстала перед ней, когда она прибежала из спальни на пронзительные крики: на бледном ковре, из которого она так много раз выбивала пыль на залитом солнцем крыльце, лежала ее мать.

Ковер был окрашен кровью, вытекшей из ее ушей и носа. Ее глаза настолько заплыли от ударов, которые ей нанес отец Ребекки своим черным тяжелым ботинком, что она не могла разглядеть в дверном проеме собственную дочь.

— Итак, мисс Уотерхаус, — детектив-инспектор Гиббс захлопнул за собой дверь, заставив Ребекку вздрогнуть, — давайте повторим историю.

Казалось, что все это случилось с ней в прошлой жизни, а ведь всего несколь-

ко часов назад она лежала в кровати, и за окном бушевала гроза, пришедшая со стороны бухты Уиттеринг. Несмотря на одеяло, которое она взяла из дома, руки у нее дрожали от холода.

Она представила, как отец разжигает в камине огонь, бормоча что-то под нос и кашляя от поднявшейся пыли. Мама бы сидела рядом, и ее серые волосы были бы собраны в пучок. Вытянув ноющие от усталости ноги на табуретку, она бы наблюдала за действиями мужа, покорно ожидая, когда вместе с огнем неотвратимо вспыхнет и его гнев. Закончив с камином, отец бы взял из ящика стола ключ, подошел к закрытому шкафу и достал свой пистолет Люгера. Каждый понедельник он разбирал его и тщательно смазывал льняным маслом, говоря при этом жене:

— Не все мы можем позволить себе такую наивность, Гарриет. Мужчина должен быть готов защитить свою семью.

Ребекка чувствовала напряжение сквозь половицы. Стояла гробовая тишина; так случалось всегда, когда отец был не в духе. День не задался с того самого момента, когда ее родителей вызвали к директору. С тех пор отец с ней ни разу не заговорил — только сказал, что завтра рано утром они уедут из Сивью и что Харви Робертса она больше никогда не увидит.

Тревожные мысли о друге вернули ее в настоящее.

— Пожалуйста, дайте мне увидеть Харви, — взмолилась она.

— Всему свое время. Мистер Робертс-младший доставил нам немало хлопот, и мы были вынуждены поместить его в камеру.

Ребекке снова стало дурно. Присутствие инспектора Гиббса подавляло ее. Он напоминал ей крыс, которые сновали между загонами с ягнятами на ферме. Зубы у него были желтые и острые, и даже кончики его густых черных усов при разговоре подергивались, как у крысы.

Девочка сглотнула подступивший к горлу ком, стараясь сдержать слезы. Вскоре после того, как ее увели в комнату для допросов, она слышала, как в коридоре Харви плакал и звал ее. Полицейские стали кричать ему, чтобы он успокоился, и пригрозили посадить его на ночь в камеру. Харви бросился было колотить кулаками по двери, за которой держали Ребекку, но его крики становились все тише, пока его волокли прочь.

— А где отец Харви? Мне всего тринадцать. Разве со мной не должен быть взрослый? — голос Ребекки дрожал, и Гиббс бросил на нее суровый взгляд.

— Тед Робертс находится в состоянии алкогольного опьянения. Он сейчас даже своего имени не знает, поэтому, боюсь, он едва ли сможет чем-то вам помочь. Мы позвоним в социальную службу, как только откроется их офис, и вас возьмет под опеку государство.

— Что это значит? — спросила она, чувствуя, как ее охватывает паника.

Гиббс недружелюбно взглянул на нее. 11

— Это значит, что вас поместят в ближайший приют, а местные власти прикрепят к вам соцработника, который теперь будет за вас в ответе.

— Но я хочу жить с Тедом и Харви, — Ребекка уже не могла сдержать слез. — Пожалуйста, пустите меня в туалет, я правда нехорошо себя чувствую.

— Ну, чем скорее вы проясните некоторые детали произошедшего, тем скорее мы закончим.

— Но я вам уже рассказала все, что знаю. Пожалуйста, не надо еще раз.

Она не хотела вспоминать крик ее отца, прорывающийся сквозь раскаты грома и завывание ветра за окном. Рев, слышный даже на втором этаже, и тихий, нежный голос ее мамы, пытающейся его успокоить. Ребекка представила, как она тряслась от страха, явно предчувствуя, что именно должно было вот-вот произойти. Потом Ребекка услышала грохот в гостиной, ее сердце забилось еще чаще, в окно забарабанил ливень, и она накрылась одеялом с головой.

— В этот раз я все запишу, а секретарша напечатает, когда выйдет на смену. — Он вздохнул, выпуская облако дыма. — Скажите мне еще раз, что именно ваша мать сделала, чтобы так разозлить вашего отца сегодня вечером?

Ребекка со злостью смахнула слезу. Ее голова раскалывалась: она никак не могла объяснить этому мужчине, что значило жить с таким человеком, как ее отец.